

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэнсбука по цифровой социологии в редакция Яна Скопека (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Часть II

УДК 316.334.2

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-1-83-100

Получено 19.12.2024

Доработано после рецензирования 03.02.2025

Принято 10.02.2025

Андрианова Елена Владимировна^{1,2}

Канд. социол. наук, зав. каф. общей и экономической социологии¹, ст. науч. сотр.²

ORCID: 0000-0002-7769-9206

E-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

¹Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

²Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Тюмень, Россия

Розманов Александр Ильич

Аспирант

ORCID: 0009-0004-2262-7776

E-mail: a.rozmanov.sas@gmail.com

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Давыденко Владимир Александрович

Д-р. социол. наук, начальник научно-исследовательского центра

ORCID: 0000-0001-8389-4254

E-mail: v.a.davydenko@utmn.ru

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

АННОТАЦИЯ

Настоящее исследование включает критический анализ последних 10 глав, посвященных изучению последствий цифровых технологических изменений, включая социальное, цифровое и образовательное неравенства. Эти главы охватывают широкий спектр исследований от эмпирических до интерпретативных подходов и демонстрируют методологическое и теоретическое сочетание различных исследовательских ориентаций. Особый акцент сделан на анализе и практике использования информационно-коммуникационных технологий подростками дома и в школе, социально-экономическом неравенстве в цифровой грамотности детей от начальной до средней школы, психическом здоровье подростков в контексте цифрового неравенства, гендерном разрыве в цифровых навыках, семейных делах и заботах в эпоху цифровизации. Рассмотрены

цена психического здоровья, связанная с использованием свайпов и приложений для знакомств, связь социальных медиа и благополучия на работе и дома, соотношения «дом–работа–цифра», особенности цифрового перехода и его последствия для рынков труда, вопросы повышения квалификации в условиях цифровой трансформации, а также влияние цифровой агитации и медиа на выборы. В хэндбуке-справочнике описываются две научные области – социология и цифра, и предполагается, что обе точки зрения в равной степени являются законными, поскольку они отражают две академические идентичности обширной и неоднородной научной сферы под названием «цифровая социология». Данная работа является продолжением обзора исследовательского хэнсбука по цифровой социологии под редакцией Я. Скопека.

Ключевые слова

Хэндбук, цифровая социология, социально-экономический статус, информационно-компьютерные технологии в образовании, исследования цифровой социологии, стык цифры и жизни, цифровое неравенство, цифровая трансформация

Для цитирования

Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэнсбука по цифровой социологии в редакция Яна Скопека (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Часть II // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 1. С. 83–100.

© Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Contemporary digital sociology in search of meaning-making models: the proper and the actual. A review of articles from the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.) Part II

Received 19.12.2024

Revised 03.02.2025

Accepted 10.02.2025

Elena V. Andrianova^{1,2}

Cand. Sci. (Sociol.), Head of the General and Economic Sociology Department¹, Senior Researcher²

ORCID: 0000-0002-7769-9206

E-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

¹University of Tyumen, Tyumen, Russia

²West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Alexander I. Rozmanov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0004-2262-7776

E-mail: a.rozmanov.sas@gmail.com

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Vladimir A. Davydenko

Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Research Center

ORCID: 0000-0001-8389-4254

E-mail: v.a.davydenko@utmn.ru

University of Tyumen, Tyumen, Russia

ABSTRACT

The study includes a critical analysis of the last 10 chapters exploring the implications of digital technological change, including social, digital, and educational inequalities. These chapters cover a wide range of research from empirical to interpretive approaches and demonstrate a methodological and theoretical mix of different research orientations. Particular emphasis has been placed on the analysis and practices of adolescents' use of information and communication technologies at home and at school, social and economic inequalities in children's digital literacy from primary to secondary school, adolescent mental health in the context of digital inequalities, gender gap in digital skills, and family matters and concerns in digital era. The price of mental health associated with the use of swipes and dating

apps, the interrelationship of social media and well-being at work and at home, home-work-digital interrelationships, the characteristics of the digital transition and its implications for labor markets, the skills development issues in the context of digital transformation, and the impact of digital campaigning and media on elections have been considered. The handbook describes sociological and digital academic fields and assumes that both perspectives are equally legitimate, as they reflect the two academic identities of the vast and heterogeneous academic field called digital sociology. This paper is a continuation of the review of the research handbook on digital sociology edited by J. Skopek.

Keywords

Handbook, digital sociology, social and economic status, information and communication technologies in education, digital sociology research, junction of numbers and life, digital inequality, digital transformation

For citation

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Rozmanov A.I. (2025) Contemporary digital sociology in search of meaning-making models: the proper and the actual. A review of articles from the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.) Part II. *Digital sociology*. Vol. 8, no 1, pp. 83–100. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-1-83-100

© Andrianova E.V., Davydenko V.A., Rozmanov A.I., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Данная работа является продолжением обзора исследовательского хэндбука по цифровой социологии под редакцией Я. Скопека [Андрианова, Давыденко, Розманов, 2024].

Во второй части обзора исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека продолжается критический анализ, который посвящен изучению последних 10 глав. Они представлены в двух крупных контекстах, затрагивающих изучение цифрового неравенства с акцентом на социально-экономические аспекты образования среди молодого поколения (детей школьного возраста и подростков), гендерного неравенства и с последствиями цифровых технологических изменений. Главный вопрос заключается в том, как социальные изменения, вызванные повсеместным использованием социальных сетей и интернет-приложений, соотносятся с социологическими исследованиями неравенства и стратификации.

До цифровой революции исследования социальной стратификации и цифрового неравенства развивались независимо друг от друга. Однако, как показал обзор исследований о неравенстве в области социальных сетей, использования сети «Интернет» (далее – Интернет) и внедрения в повседневную жизнь людей информационно-коммуникационных технологий, разделение между «чистой социологией» и «цифрой» стало более нецелесообразным. В ходе изучения цифрового неравенства, проводимого с начала 1990-х гг., выявлено и определено, какие именно группы находились в особо неблагоприятном положении с точки зрения доступа к Интернету, которому дано определение цифрового разрыва первого порядка. Позднее внимание исследователей сместилось к изучению цифрового разрыва второго порядка, подразумевающего различия в уровне цифровых навыков и формах использования Интернета. В последнее время многие ученые стали задаваться вопросами, касающимися цифрового разрыва третьего порядка, заключающегося в неравенстве итогов использования Интернета. Вместе с тем выяснилось, что также имеют значение традиционные социологические исследования неравенства, которые изучают реальные последствия онлайн-активности представителей различных социальных групп.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ / LITERATURE REVIEW

В связи с исходной постановкой вопроса о взаимоотношении социологии (социальное неравенство) и цифры (цифровая трансформация

общества) и выяснением, чему могут научиться друг у друга исследования стратификации и цифрового разрыва, важна публикация У. Матцата и Э. ван Ингена с одноименным названием их научной статьи [Matzat, van Ingen, 2020]. Они доказали, что разделение между социологическими исследованиями стратификации и цифрового неравенства как направления разных наук больше не является полезным. Различия в использовании Интернета приводят к неравенству результатов, следовательно, неравенство «жизненных шансов» (по М. Веберу) напрямую рассматривается в исследованиях цифрового неравенства. Повсеместное использование социальных сетей практически во всех сферах человеческой жизни и их исследования показали, что это использование напрямую влияет на социально-экономическое положение людей и качество их жизни, что побуждает экспертов учитывать цифровизацию как важнейшее измерение перехода к цифровому неравенству третьего порядка. Адекватное изучение этого объективного социального процесса дает возможность разным областям исследований сосредоточиться на результатах как на точке их сближения, что ведет к новой парадигме взаимообогащения стратификации и цифрового неравенства.

В продолжение представленного подхода в монографии «Связанные данные для цифровых гуманитарных наук» Т. Нурмикко-Фуллер обсуждает технологические вопросы в контексте гуманитарных наук, определяя их разрыв термином «ложная дихотомия», доказывая необходимость их конструктивного связывания, при этом обеспечивая релевантные информированные коммуникации через дисциплинарные границы [Nurmikko-Fuller, 2024].

Опираясь на теорию стратификации М. Вебера, в монографии «Третий цифровой разрыв: веберовский подход к цифровому неравенству» Р. Массимо решает вопрос о том, является ли цифровое неравенство просто расширением традиционных форм неравенства, или включает новые формы социальной изоляции, или проявляет контртенденции, которые смягчают традиционное неравенство, одновременно создавая новые модальности неравенства. Рассматривая воспроизводство и трансформацию социальной стратификации в цифровую эпоху, исследователь утверждает, что неравенство в онлайн-мире выходит за пределы экономических аспектов, охватывая также культурные и политические элементы. Таким образом, изучение цифрового неравенства должно быть сосредоточено не только на динамике классов

или экономических вопросах, но и на культурных аспектах, таких как статус и престиж, и политических аспектах, таких как групповая принадлежность. М. Рагнедда, демонстрируя в книге актуальность различий М. Вебера в отношении социального неравенства, изучает те новые способы, которыми онлайн-активность и цифровые навыки различаются в зависимости от важнейших социологических измерений, объясняя их в конкретных терминах в отношении динамики социального класса, социального статуса и власти [Ragnedda, 2017].

Д.К. Гомес, основываясь на 30 углубленных интервью с молодыми людьми в Мадриде, исследует механизмы преобразования экономического, культурного и социального капитала в цифровой капитал и их обратное преобразование, опираясь на теорию П. Бурдьё. Он акцентирует внимание на цифровом неравенстве третьего уровня в отношении офлайн-результатов использования Интернета и приходит к выводу о том, что экономический капитал является главной формой цифрового неравенства, налагающей материальные барьеры на доступ. Культурный капитал преобразуется в цифровой посредством техносотциализации людей, социальный – посредством социальных практик и социальной поддержки. Обратное преобразование цифрового капитала происходит через профессиональные сети (экономический капитал), доступ к знаниям (культурный капитал) и управление социальными связями (социальный капитал). Теоретический подход в этом исследовании основан на теории капиталов П. Бурдьё, которая показала свою пригодность для теоретизирования взаимосвязи между социальными практиками, основанными на диспозициях субъектов (схемах действий), и социальной структурой, которая возникает из непрерывного принятия статуса в иерархическом пространстве социальных позиций [Gomez, 2020].

В книге «Цифровизация и государство всеобщего благосостояния» в редакции М.Р. Буземейер и коллег рассматривается, как цифровизация в разных форматах влияет на развитие общества. Здесь собраны эссе всемирно известных ученых, изучающих тему государства всеобщего благосостояния. Проведено исследование того, как цифровизация влияет на политику, базовые властные отношения между субъектами, то есть политику государства всеобщего благосостояния, как решаются социально-экономические проблемы, возникающие в результате быстрых технологических изменений, политических конфликтов и борьбы, как эти изменения

бросают вызов и формируют существующие механизмы рынка труда. Авторы доказали, что цифровизация оказала долгосрочное влияние на работу, изменение доходов, социальных рисков в здравоохранении, образовании, на рынке труда, измерили средства, с помощью которых риски устраняются [Busemeyer et al, 2022].

В хэндбуке по сопряжению цифровых технологий и общества в редакции С. Йейтс и Р.Э. Райса говорится о все более взаимосвязанных областях цифровых технологий и общества [Yates, Rice, 2020]. Он представляет собой обзоры нескольких областей, затронутых цифровыми медиа и технологиями, таких как здравоохранение, политика, межличностные отношения, которые разработаны на основе результатов проекта «Способы существования в цифровую эпоху» (Ways of Being in a Digital Age), заказанного Советом по экономическим и социальным исследованиям Великобритании (Economic and Social Research Council, ESRC).

Поскольку в последних 10 главах хэндбука по цифровой социологии в редакция Я. Скопека много места уделяется социологии образования и цифровому образованию, мы указываем на необходимость оценить статьи двух других соответствующих справочников, где описываются представленные вопросы [Schneider, 2018; Sharpe, Bennett, Varga-Atkins, 2022]. Кроме того, по той же причине из-за особого внимания в хэндбуке Я. Скопека к использованию цифровых медиа среди подростков и ментальному их здоровью следует упомянуть соответствующий хэндбук с описанием возможных решений ключевых проблем [Nesi, Telzer, Prinstein, 2022].

Мы хотели бы обратить внимание на два новых хэндбука по теме «цифра и общества», изданные русскими авторами в издательстве Springer: «Цифровые технологии в новой социально-экономической реальности» в редакции С.И. Ашмариной и В.В. Мантуленко и «Цифровая трансформация в промышленности: тенденции, менеджмент, стратегии» в редакции В. Кумара и коллег [Ashmarina, Mantulenko, 2021; Kumar, Rezaei, Akberdina et al, 2021]. Наконец, для более глубокого понимания последней 25-й главы анализируемого хэндбука имеет большое значение книга под редакцией В.Л. Беннетта и С. Ливингстона «Эпоха дезинформации: политика, технологии и разрушительная коммуникация в Соединенных Штатах» [Bennett, Livingston, 2021]. Заглядывая вперед, мы предлагаем подход для настоящих и будущих социологических и цифровых исследований, который учитывает результаты и обобщения последних 10 глав хэндбука в редакция Я. Скопека.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ / CONTENT ANALYSIS

В 16-й главе «Социальное неравенство в использовании образовательных информационно-компьютерных технологий подростками дома: как взаимодействуют цифровое и образовательное неравенство» (Social disparities in adolescents' educational information and communications technologies use at home: how digital and educational inequalities interact) Б. Беккер сосредоточивает свои исследования на неравенстве в цифровых навыках, грамотности и использовании цифровых технологий с точки зрения цифрового разрыва «второго уровня» (начиная с 2008 г.) и «третьего уровня» (с 2012 г. по настоящее время). Цифровой разрыв (digital divide) описывает разрыв между группами людей, которые в разной степени пользуются преимуществами Интернета и цифровых технологий. Согласно гипотезе о разрыве в знаниях, социальное неравенство воспроизводится в цифровой среде: наибольшую выгоду получают высокообразованные и социально привилегированные группы.

В отличие от явных разрывов в знаниях последствия цифрового разрыва для участия в жизни общества могут быть еще более серьезными, поскольку цифровые технологии проникают во все аспекты современной жизни. Поскольку цифровое неравенство проявляется в жизненных шансах (М. Вебер) и различных социально-экономических достижениях, исследования социальной стратификации и социальной мобильности должны включать цифровое неравенство как новое измерение неравенства. Б. Беккер в своей главе анализирует различия «второго уровня», изучая влияние социально-экономических условий на использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) дома и в школе, а также пробелы в цифровых навыках школьников.

Особое внимание уделено различиям между социальными слоями. Б. Беккер объединяет исследования цифрового и образовательного неравенства, акцентируя внимание на социальном воспроизводстве в семьях. Ее анализ основывается на двух ключевых компонентах – возможностях (доступ к ИКТ, навыки) и мотивации (ориентация на обучение), связывающие семейное образование с использованием ИКТ учащимися. Социальное неравенство в использовании образовательных технологий связано с различиями в образовательных ресурсах (например, наличие цифровых устройств) и мотивации учащихся. Дети из обеспеченных семей чаще имеют доступ к необходимым технологиям и поддержке, что

способствует их академическим успехам. Для проверки своей модели Б. Беккер использовала данные программы для международной оценки знаний студентов (PISA) 2018 г. по более чем 150 тыс. учащихся из 24 стран.

Результаты показали четкий социальный градиент в использовании ИКТ дома в образовательных целях. Однако этот градиент исчезает, когда учитываются социальные различия в возможностях – образовательных ИКТ дома и в школе, а также в мотивах учащихся. Эти факторы оказались взаимозависимыми: наибольшее использование ИКТ наблюдалось при сочетании высокого уровня образовательных ресурсов, доступа к цифровым устройствам и сильной академической мотивации. Существует междисциплинарный консенсус о том, что различия в ресурсах родителей формируют среду домашнего обучения, что в свою очередь влияет на академические успехи детей. Исследования показали очевидную связь между социально-экономическим статусом (socio-economic status, SES) родителей и частотой образовательной активности учащихся, включая использование Интернета для выполнения школьных заданий, участия в онлайн-уроках и работы с обучающими приложениями. Теория культурного и социального воспроизводства П. Бурдьё, применяемая в данном случае, объясняет эти различия через экономический, культурный и социальный капиталы родителей из разных социальных классов. В центре внимания находится культурный капитал, который включает учебные материалы (например, домашние книги), навыки и знания (например, лингвистические навыки), ориентации и установки (например, отношение к чтению). Первый представляет культурный капитал в объективированном состоянии, в то время как два последних относятся к культурному капиталу в инкорпорированном воплощенном состоянии. Передача культурного капитала от родителей к детям является ключевым механизмом воспроизводства социального неравенства.

Учащиеся различаются по доступу к учебным материалам, навыкам, ориентациям и мотивации в зависимости от культурного капитала их родителей. Это влияет на вероятность участия в образовательной деятельности дома, включая чтение и внеклассные занятия, в зависимости от социального происхождения. Выявлена положительная, но слабая связь между уровнем образования родителей и частотой использования учащимися образовательных ИКТ дома. Так, домашняя среда и учебные мероприятия (например, чтение или подготовка к школе) остаются важными

компонентами. Исследования «летнего перерыва» (summer gap) подтверждают, что различия в школьной успеваемости во многом связаны с тем, что происходит в семьях.

В цифровом мире ИКТ проникают во все сферы жизни, включая образование, особенно после пандемии COVID-19, когда домашнее обучение стало широко распространенным. Однако степень участия учащихся в образовательных мероприятиях с использованием ИКТ дома варьируется (с. 293). Учет образовательных ресурсов, возможностей и академической мотивации полностью объясняет различия в использовании ИКТ для обучения. Эти факторы действуют как аддитивно, так и мультипликативно: высокий уровень использования ИКТ предсказывается сочетанием образовательных и бытовых ресурсов, а также академической мотивацией и позитивным отношением к ИКТ (с. 303). В целом исследование Б. Беккер дало много интригующих идей о том, как цифровое и образовательное неравенство могут взаимодействовать при формировании результатов обучения и образования детей.

В 17-й главе «Ранние корни цифрового разрыва: социально-экономическое неравенство в информационно-коммуникационных технологиях грамотности детей от начальной до средней школы» (The early roots of the digital divide: socioeconomic inequality in children's information and communication technologies (ICT) literacy from primary to secondary schooling) Дж. Пассаретта и К.Х. Хиль-Эрнандес, как бы продолжая предыдущую главу, изучают ранние корни цифрового разрыва – социально-экономическое неравенство в информационно-коммуникационных технологиях, грамотность детей от начальной до средней школы. Опираясь на данные Национального панельного исследования в области образования Германии (NEPS), они изучили две группы учащихся начальной и неполной средней школы в возрасте от 7 (3 класс) до 16 (9 класс) лет. NEPS внедрила последовательную стратегию тестирования, используя тест на технологическую и информационную грамотность (technological and information literacy, TILT) – надежный и проверенный инструмент для измерения метакомпетентности в области ИКТ, выходящий за рамки технического владения устройствами (то есть декларативных и процедурных знаний об аппаратном и программном обеспечении). TILT сохраняет актуальность даже при технологических изменениях, что делает его более последовательным по сравнению с предыдущими исследованиями, использовавшими противоречивые критерии оценки ИКТ-грамотности.

В главе представлены пять основных выводов:

- пробелы в знаниях ИКТ в социально-экономическом статусе проявляются уже в возрасте 8–9 лет (3 класс) и сопоставимы по величине с пробелами в знаниях ИКТ;

- пробелы в знаниях ИКТ остаются стабильными на протяжении обучения в начальной и неполной средней школе вплоть до 14–15 лет (9 класс);

- доступ к ИКТ в семье и школе и их использование в значительной степени не объясняют пробелы в знаниях в области ИКТ в любом возрасте;

- отслеживание в школе является важным (хотя и не обязательно причинно-следственным) путем, посредством которого проявляется неравенство в знаниях в средней школе;

- разрыв SES в уровне ИКТ-грамотности не сохраняется после учета различий в навыках предыдущих учащихся.

Значительные и устойчивые пробелы в ИКТ-грамотности, связанные с социально-экономическим статусом (SES), подтверждают предыдущие исследования. Они показывают, что различия в сложных навыках формируются в раннем детстве и сохраняются на протяжении жизни. Этот вывод задокументирован в Германии для разных областей компетенции, включая ИКТ-навыки. Социальное неравенство в этой важной для цифровой эпохи сфере берет начало на ранних этапах жизни детей (с. 320).

Результаты этой главы дают новые и отчасти удивительные эмпирические идеи для этих вопросов. Во-первых, социальные разрывы присутствуют уже в возрасте 8 лет, по размеру сопоставимы с социальными разрывами в «жестких» навыках, и они намного больше по размеру, чем гендерные разрывы или разрывы по миграционному происхождению. Во-вторых, с 8 до 16 лет размер социальных разрывов в навыках ИКТ остается в целом стабильным, следовательно, они не сокращаются, но и не растут. В-третьих, доступ к ИКТ ни в семье, ни в школе, ни их использование не объясняют эти разрывы разумно – результат, который несколько разочаровывает гипотезу цифрового капитала. Наконец, социальные разрывы в «жестких» навыках полностью объясняют разрывы в ИКТ, что говорит о том, что социальное неравенство в навыках ИКТ может быть обусловлено примерно теми же факторами, которые объясняют неравенство в «жестких» навыках. Это заставляет авторов предполагать, что неравенство в ранних навыках ИКТ может просто отражать общие структуры неравенства в семейной среде и опыте. В целом эта глава представляет собой достаточно вдохновляющий и новый вклад

в междисциплинарную литературу по социальной стратификации, формированию навыков и цифровому разрыву.

В 18-й главе «Цифровое неравенство и психическое здоровье подростков: роль социально-экономического фона, пола и национального контекста» (Digital inequalities and adolescent mental health: the role of socioeconomic background, gender, and national context) П. Грасия с коллегами провели анализ связи цифрового неравенства и психического здоровья детей с точки зрения роли социально-экономического фона, пола и национального контекста. Они исследовали эти вопросы эмпирически, используя инновационное сочетание лонгитюдных и межнациональных данных. Авторы представляют два набора аналитических материалов. В первом наборе анализов они использовали лонгитюдные данные проекта «Взросление в Ирландии» в возрасте от 9 до 18 лет, чтобы изучить, как использование цифровых технологий связано с благополучием детей по мере взросления. Модели с фиксированными эффектами показывают, что воздействие времени, проведенного за цифровым экраном, на психическое здоровье людей разных социально-экономических классов и полов распределяется неравномерно; на самом деле именно молодые люди из более неблагополучных социально-экономических семей и девочки испытывают больше проблем с психическим здоровьем, проводя больше времени за цифровыми устройствами.

Вторая серия анализов проверяет общность этих выводов, используя обширные межнациональные данные исследования «Поведение в отношении здоровья в школьном возрасте», в котором приняли участие подростки в возрасте 11–15 лет из 35 стран. Межнациональные исследования показывают, что, хотя мальчики-подростки тратят больше времени на цифровую деятельность, именно девочки-подростки чаще сталкиваются с проблемами психического здоровья из-за цифровой активности. Однако масштабы этих гендерных различий существенно различаются в разных странах. Влияние социально-экономического фона оказалось неоднозначным: в одних странах подростки с низким уровнем вовлеченности страдали больше, в других – наибольшие проблемы испытывали подростки с высокой вовлеченностью. П. Грасия с коллегами отмечают, что подростки Западной Европы живут в гиперцифровом мире с беспрецедентным доступом к мобильным устройствам. Эти технологии расширяют возможности для обучения и общения, но также несут риски, такие как игровая

зависимость, киберзапугивание и тревожность, вызванная социальными сетями. Эти преобразования в онлайн-мире тесно связаны с офлайн-процессами, где социально-экономические ресурсы и демографические переменные (пол и возраст) играют ключевую роль (с. 329).

Исследования психического благополучия подростков выявили значительные групповые различия по социально-экономическому положению (SES), возрасту и полу. Семейные ресурсы SES являются ключевым фактором: подростки с низким уровнем SES чаще страдают от депрессии и тревожности, чем их сверстники с высоким SES. Что касается пола, то мальчики более склонны к возникновению внешних поведенческих проблем, чем девочки, в то время как последствия для психического здоровья, такие как несчастливость, депрессия и факторы риска самоубийства, сильнее проявляются у девочек, чем у мальчиков. Такие гендерные различия особенно заметны в подростковом возрасте, когда у девочек-подростков диагностируется депрессия в три раза чаще, чем у мальчиков.

Однако до сих пор остается открытым вопрос о том, как такие различия в психическом благополучии подростков как по возрасту, так и по полу проявляются в цифровом и онлайн-контекстах (с. 330). Что касается вариаций SES, то выявлено, что социально-экономические ресурсы могут определять связь между вовлеченностью подростков в цифровые технологии и их благополучием. Поскольку подростки с высоким уровнем SES имеют привилегированный доступ к семейным ресурсам дома, их преимущество по сравнению с подростками с низким уровнем может распространиться на цифровой мир, воспроизводя, если не усиливая, неравенство, существующее в офлайн-мире. Обнаружено, что по сравнению с подростками с высоким уровнем SES подростки с низким уровнем тратят больше времени на занятия на экране и испытывают больше негативных эмоций во время онлайн-активности, а также располагают меньшими экономическими, социальными, культурными и цифровыми ресурсами, которые могут помочь обеспечить здоровое и продуктивное использование ИКТ (с. 331). Гендерные различия в использовании цифровых технологий особенно заметны среди девочек, которые чаще сталкиваются с несчастливостью, депрессией и риском суицида из-за активного использования социальных сетей. Девочки сильнее вовлечены в онлайн-сравнения, уделяют больше внимания своей внешности в Интернете и проявляют большую озабоченность по поводу образа своего тела. Также девочки более уязвимы

к чувству вреда/огорчения, возникающему в результате их ежедневного онлайн-общения (например, воздействия сексуального контента, кибертравли) (с. 331). С возрастом подростки проводят все больше времени за цифровыми устройствами, включая компьютеры, планшеты и телефоны (с. 336).

В 19-й главе «Гендерный разрыв в цифровых навыках в кросс-национальной перспективе» (The gender gap in digital skills in cross-national perspective) Х.-Л. Мартинес-Кантос изучает гендерный разрыв в цифровых навыках в кросс-национальной перспективе. Предлагая комплексную теоретическую модель для решения проблемы цифрового неравенства по полу, автор рассматривает литературу о цифровом гендерном неравенстве, принимая динамическую, интерсекциональную и кросс-секционную перспективы. Кроме того, Х.-Л. Мартинес-Кантос эмпирически иллюстрирует свои аргументы, компилируя кросс-национальные данные из различных баз данных, включая базу данных цифровых навыков (Евростат), базу данных образования и обучения (Евростат) и PISA 2018. Официальные данные Евростата подтверждают низкое присутствие женщин в высших учебных заведениях, связанных с ИКТ. В университетах Западной Европы в ИКТ-дисциплинах традиционно преобладают мужчины. Ожидания карьерного роста среди школьников-мальчиков в области ИКТ также значительно выше, чем у их сверстниц-девочек. В 2019 г. женщины составляли лишь 18 % специалистов ИКТ в странах ЕС-27 (без учета Соединенного Королевства) (с. 355).

Что касается молодого поколения и его ожиданий на будущее, исследования привычек девочек и мальчиков в использовании ИКТ показывают сохранение сложившихся инерционных процессов. Данные подтверждают, что гендерные разрывы в цифровых навыках не исчезают автоматически с распространением ИКТ или между последующими поколениями. Х.-Л. Мартинес-Кантос демонстрирует, что разрывы в более высоких цифровых навыках, таких как программирование, остаются устойчивыми. С кросс-национальной точки зрения парадоксально, что страны с высоким уровнем гендерного равенства (например, страны Северной Европы) демонстрируют значительные гендерные разрывы в продвинутых цифровых навыках, тогда как в странах с низким гендерным равенством эти разрывы либо минимальны, либо отсутствуют.

Что касается рынка труда, данные показывают серьезную недопредставленность женщин в профессиях ИКТ, без очевидной тенденции

к увеличению их присутствия в данной сфере. Авторы подчеркивают необходимость установления более прямой связи между ранними образовательными процессами и карьерными результатами во взрослом возрасте. Это требует долгосрочных лонгитюдных исследований, способных отслеживать широкие причинно-следственные связи (с. 356).

В целом глава представляет уникальные данные о роли пола и социального происхождения в формировании цифрового неравенства среди молодежи, растущей в условиях цифровых технологий. Межнациональные данные подтверждают, что цифровое неравенство – это сложное явление, определяемое не только индивидуальными и социальными факторами, но и институциональными условиями и национальными контекстами общества.

В 20-й главе «Создание семьи в цифровую эпоху» (Doing family in the digital age) К. Церле-Элсафир с коллегами проводит оценки того, как растущая медиатизация с помощью цифровых технологий влияет на семейную жизнь, родительские обязанности и взаимодействие родителей и детей. В теоретическом плане автор опирается на концепцию «производства/делания семьи» (англ. doing family), конструктивистскую концепцию, связанную с организацией и практикой повседневной семейной жизни. В отношении медиатизации и цифровизации современной семейной жизни автор демонстрирует роль управления балансом практик, связанных с координацией и синхронизацией членов семьи, и создания атмосферы единения как двух основных измерений ведения дел семьи и воспроизводства семейной жизни. В этой главе о создании семьи в эпоху цифровых технологий представлен общий теоретический конструкт современной семьи, объясняется, что современные родители сталкиваются с серьезными проблемами. Семейные отношения становятся все более сложными, ожидания от «хорошего» воспитания растут, и повседневная семейная жизнь протекает в непростой медиатизированной среде. Многочисленные стратегии ведения семейных дел реализуются с помощью цифровых медиа. Это касается не только организации и сбалансированности повседневной жизни, но и создания атмосферы единения между членами семьи посредством обмена эмоциональными посланиями или запросами. При этом родители являются центральными фигурами в передаче опыта и компетенций в области средств массовой информации своим детям, однако они часто выражают неуверенность в правильности стратегии (с. 365).

В центре этой главы стоит вопрос о том, как семьи интегрируют цифровые медиа в стратегии ведения совместного семейного дела. Уделяя особое внимание такой стране, как Германия, автор сначала обсуждает, каким образом изменяется семейная реальность. Особое внимание уделяется преобразующимся социально-экономическим и демографическим структурам семей и парадигмам родительства, а также растущей медиатизации семейной жизни с помощью цифровых медиа. На фоне преимущественно качественной исследовательской литературы о том, как вести семейную жизнь в цифровую эпоху, автор представляет новые количественные данные, полученные из нескольких социологических волн немецкой помощи – семейного опроса («Взросление в Германии» – исследование повседневной жизни немецких семей). Иллюстрируются дебаты на основе эмпирических фактов и цифр о «благополучной семье» из данных последней волны опроса, проведенного Немецким институтом молодежи. Правильный ответ на вопрос «Что означает семья в наши дни?» выглядит следующим образом: «Семья – это не просто данность, а результат постоянного взаимодействия». Эта концепция семьи охватывает повседневные действия ее членов, направленные на объединение различных аспектов отношений (между партнерами, родителями и детьми, братьями и сестрами, а также с другими близкими, такими как бабушки, дедушки, родственники, соседи и друзья). Она включает интеграцию различных сфер жизни – занятости родителей, образовательных и воспитательных учреждений, досуговых мест и взаимодействия с органами власти, – объединяя их ожидания, мечты и ограничения в единое, функционирующее целое.

Результаты исследования демонстрируют, как использование цифровых медиа облегчает семейное взаимодействие: повседневное общение, координацию, «отслеживание» членов семьи и создание атмосферы единства через эмоциональный обмен. Интересный вывод состоит в том, что отцы чаще, чем матери, применяют цифровые стратегии управления семейной жизнью. Глава предлагает теоретический и эмпирический обзор организации семейной жизни в эпоху цифровых технологий. Семья остается ключевым контекстом социализации детей и подростков, обеспечивая поддержку и формируя основу для личностного развития.

Несмотря на растущее влияние других социальных институтов, семья остается центральным элементом жизни, предоставляя пространство для взаимодействий, обучения и конфликтов между

ее членами. Семьи представляют собой системы близких отношений с различным уровнем сплоченности, открытости или закрытости к внешним контактам, а также внутренней структурой, отражающей различия по полу и поколениям. Они обеспечивают своим членам опыт взаимоотношений, ролей и заботливых отношений.

Современные семьи сильно различаются по составу и способам организации повседневной жизни. В Германии в 2019 г. нуклеарные семьи (супружеские пары с детьми) составляли около 70 % по сравнению с 80 % в 1998 г. Доля внебрачных сожителей увеличилась с 5 % в 1998 г. до 12 % в 2019 г., а доля родителей-одиночек – с 14 % до почти 19 % (с. 365). Основной причиной этих изменений стало снижение стабильности партнерских отношений, что привело к росту числа раздельных проживаний, разводов и числа случаев внебрачного сожительства. В таких случаях цифровые медиа часто используются для поддержания семейных связей и обмена информацией между членами семьи, живущими отдельно.

В условиях меняющихся форм семьи и нестабильности трудоустройства роль родителей становится более сложной. Они сталкиваются с общественным давлением, высокими ожиданиями от своей родительской роли и необходимостью избегать ошибок в воспитании детей, чтобы защитить их от жизненных трудностей (с. 366). Все это описывает концепцию воспитания, которая подразумевает значительные затраты времени, энергии и денег на воспитание детей. Чтобы соответствовать ожиданиям, родители должны овладеть специальными знаниями через руководство по воспитанию, используя информационные сайты и социальные сети. Хорошее воспитание предполагает не только принятие более требовательного стиля воспитания, но и обучение детей компетентному использованию медиа (с. 367). Таким образом, задача интеграции цифровых медиа в семейную жизнь становится все более актуальной. «Цифровое воспитание» охватывает практики, которые родители используют для контроля и сопровождения детей через цифровые медиа (родительское посредничество), а также медийные привычки, которые трансформируют сам процесс воспитания. Это включает поиск онлайн-консультаций, использование приложений для родителей и документирование семейных мероприятий, таких как прогулки, праздники и совместное времяпрепровождение. Важной задачей остается отслеживание ключевых этапов взросления детей (с. 367).

Родительский опыт, а также взросление детей и подростков все больше интегрируются

в медиатизированную среду. Медиаприсутствие стало повсеместным: смартфоны, компьютеры, телевизоры и подписки на потоковые сервисы доступны практически во всех домохозяйствах. Особую роль играют независимые от времени и местоположения мобильные медиа-сервисы, которые особенно популярны среди младших детей. У половины детей в возрасте от 6 до 13 лет уже есть мобильный телефон или смартфон. Цифровые медиа формируют коммуникационную инфраструктуру, обеспечивающую новые способы воспитания, включая «отцовство онлайн», где отцы обсуждают свои практики в блогах. Подчеркивается важность медиа-ритуалов как неотъемлемой части повседневной жизни семей (с. 368). Родители и семейное окружение играют важную роль в развитии навыков использования цифровых медиа у детей и подростков. Исследования подтверждают корреляцию между временем, проведенным родителями за медиаустройствами, и временем, которое на это тратят их дети. Кроме того, темы продолжительности медиаиспользования и содержания контента часто становятся предметом обсуждений между родителями и детьми. Эмпирические данные показывают, что родительский медиаобразовательный репертуар определяется социально-экономическим статусом, отношением к цифровым технологиям и общим стилем воспитания. Важную роль играют отношения между родителями и детьми, медиаопыт родителей, уровень их цифровых компетенций, а также возраст, пол и предполагаемая медиакомпетентность детей. Концепция «делания семьи» сосредоточена на организации повседневной семейной жизни и соответствующих практиках (с. 368).

Эти качественные выводы подтверждены количественными данными исследования «Взросление в Германии: исследование повседневной жизни в немецких семьях» (AID:A), проведенного Немецким институтом молодежи. В волне 2019 г. опрошено 1,945 тыс. семей с двумя родителями и по крайней мере одним ребенком младше 12 лет. Вопросы касались использования медиа, медиаобразования и значимости цифровых стратегий ведения семьи. Около 48 % матерей ежедневно или несколько раз в день пользовались смартфонами для координации задач с партнерами, еще 19 % – несколько раз в неделю, 20 % пользовались устройствами реже одного-двух раз в неделю. Эти данные подтверждают важность цифровых технологий в организации семейной жизни на межродительском уровне (с. 370). Родители часто предоставляют детям смартфоны при переходе из начальной школы

в среднюю (около 10 лет в Германии), чтобы всегда быть на связи. Смартфоны помогают обеспечивать безопасность и контроль, успокаивая родителей и позволяя детям сообщать о задержках (опоздании на автобус, прогулках с друзьями). Однако постоянная цифровая доступность может быть воспринята как «цифровой поводок», что подчеркивает двойственный характер использования технологий (с. 371). В качестве выводов отмечается, что посредством обращения теоретической концепции создания семьи подробно рассмотрены ключевые аспекты изменения жизни современных семей. Это касается изменений в семейных расстановках и разделении труда в семьях, а также мнений о том, что представляет собой «хорошее» родительское воспитание.

Цифровые технологии и медиатизация в настоящее время являются неотъемлемой частью повседневной семейной жизни. Исследования показывают, что технологии социальных сетей выполняют множество функций: они поддерживают организацию, способствуют сближению членов семьи и создают атмосферу единства. Данные исследования AID:A на репрезентативной основе подтвердили, что цифровые стратегии управления семейными делами облегчают взаимодействие, особенно с детьми по мере их взросления, а также с родителями (с. 374). Таким образом, количественные данные дополнили более ранние результаты качественного исследования. В целом многие фактические данные, представленные в главе, подчеркивают важность цифровых стратегий для ведения семейной жизни, также поднимают новые вопросы, которые вдохновляют на дальнейшие исследования в области цифровой семейной практики. Обсуждены ключевые аспекты изменений в семейных отношениях, роли родителей и разделении домашних обязанностей. Цифровые технологии и медиатизация стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Социальные сети поддерживают организацию семейного быта, способствуют сближению членов семьи и создают атмосферу единства. Исследование AID:A дополнило ранние качественные выводы количественными данными, показав, что цифровые медиа облегчают семейные отношения, особенно когда дети становятся старше (с. 374).

В 21-й главе «Цена (стоимость/издержки) психического здоровья от свайпов (“проведения пальцем по мобильнику”): связано ли использование приложений для знакомств с более выраженным стрессом и симптомами депрессии?» (The mental health cost of swiping: is dating app use linked to greater stress and depressive symptoms?)

Дж. Потарка и Дж. Заутер рассмотрели наличие связей использования приложений для знакомств с выраженным стрессом и симптомами депрессии. Замысел этого исследования состоял в том, что приложения для знакомств по телефону, такие как Tinder, Bumble и Grindr, предоставляют пользователям возможность провести пальцем влево (то есть сигнализировать об отсутствии интереса) или вправо (то есть сигнализировать об интересе) по потенциальным партнерам. Приложения для знакомств на основе свайпов за последние 10 лет значительно изменили сферу цифровых знакомств. Они нормализовали использование таких платформ и предложили «игровой» подход к поиску партнеров, минимизируя усилия пользователей. В отличие от традиционных сайтов, например, Match.com или Parship, где требуются анкеты и личностные тесты, приложения на основе свайпов упрощают взаимодействие. Публичные медиа часто обсуждают негативные последствия таких приложений: снижение интереса к долгосрочным отношениям из-за переизбытка кандидатов, психологические издержки, такие как разочарование, усталость от Tinder и даже депрессивные симптомы.

Критики утверждают, что эти приложения способствуют культуре «одноразовых отношений», поощряя поверхностное восприятие людей. В этом исследовании поставлена цель выяснить, действительно ли использование приложений для знакомств по телефону и других инструментов онлайн-знакомств, таких как сайты знакомств и социальные сети, положительно связано со стрессом и депрессивными симптомами у женщин и мужчин и может ли эта связь быть частично компенсирована уровнем самооценки. Данные двух волн исследования немецкой семейной группы (2018–2019 гг.) показали, что использование приложений для знакомств не оказывает явного влияния на психическое здоровье женщин. Однако женщины, использующие более традиционные сайты знакомств, чаще сталкивались с депрессивными симптомами, что в значительной степени связано с низкой самооценкой. В соответствии с теорией объективации использование сайтов знакомств (а не приложений) может усиливать самообъективацию у женщин, снижая их самооценку и повышая вероятность проблем с психическим здоровьем. Дополнительный анализ с использованием моделей фиксированных эффектов показал, что переход от неиспользования к использованию сайтов знакомств не приводил к значительному увеличению депрессивных симптомов, но сопровождался снижением самооценки. Это говорит о том, что женщины

с плохим психическим здоровьем чаще обращались к сайтам знакомств, что еще больше снижало их самооценку. Что касается мужчин, использование приложений для знакомств связано с повышенным уровнем стресса, но не в той степени и не по тем причинам, которые обычно обсуждаются в средствах массовой информации. Данные развенчали миф о серьезном вреде, связанном с такими приложениями, представив дополнительные научные доказательства минимальных негативных эффектов для мужского психического здоровья (с. 392).

В 22-й главе «Социальные медиа и благополучие на работе, дома и между ними: обзор» (Social media and well-being at work, at home, and in-between: a review) Ю. Клингельхофера и А. Майера предлагается версия ответа на актуальные вопросы:

- как использование социальных сетей в домашних условиях и на профессиональной работе влияет на счастье и благополучие работающих взрослых;
- каковы последствия использования социальных сетей в частных домашних и профессиональных рабочих контекстах для счастья и благополучия работающих взрослых.

Глава проливает свет, отвечая на эти вопросы, представляя современный обзор научной литературы о роли социальных сетей в улучшении самочувствия на работе, дома и в свободное время. Понимание термина «благополучие» строится на показателях адаптации и функционирования, позитивных субъективных переживаний, экзистенциальном (например, осмысленности) ощущении жизни и отсутствии психопатологии. В контексте рабочего места и организационной психологии положительные и отрицательные показатели благополучия могут включать общие (удовлетворенность жизнью, аффект, осмысленность) и специфические показатели. Последние включают целый ряд последствий, которые варьируются от истощения, изоляции и эмоционального выгорания до вовлеченности в работу, удовлетворенности работой и чувства сопричастности.

Другой термин, который здесь операционализируется, – это социальные сети, которые привлекают все большее внимание ученых из-за предполагаемого вредного – или полезного – воздействия на благополучие. В настоящее время они являются доминирующими инструментами компьютерно-опосредованной коммуникации (англ. computer-mediated communication, CMC), то есть социального взаимодействия, опосредованного с помощью ИКТ.

Выделено пять основных характеристик социальных сетей – это основанные на Интернете интерактивные или социальные информационно-коммуникационные технологии, которые включают пользовательский контент и позволяют использовать СМС большими и малыми аудиториями как асинхронным, так и синхронным способом. Это, как правило, включает как сайты социальных сетей (англ. social network sites, SNS), так и мессенджеры, а также все чаще приложения, которые занимают промежуточное положение между этими двумя типами (Snapchat, Telegram).

В контексте работы социальные сети разделяют на социальные сети для конкретной организации или предприятия (англ. enterprise social media, ESM) и социальные сети, используемые частным образом или общедоступные (англ. public social media, PSM), которые могут улучшать или ухудшать самочувствие, особенно на стыке «работа-дом» (с. 399). Согласно теории границ между работой и личной жизнью, люди разделяют роли, связанные с каждой сферой, через физические, временные, эмоциональные и когнитивные границы. Переходы между этими доменами могут вызывать напряженность и конфликты. Современные технологии способствуют размыванию этих границ, усиливая конфликт «работа-личная жизнь», где рабочее давление вмешивается в личную сферу, и конфликт «жизнь-работа», когда личные дела мешают профессиональной роли. Использование социальных сетей на стыке «работа-дом» может быть связано с конфликтами «работа-личная жизнь» и «жизнь-рабочее место». Первоначально названные конфликтами «работа-дом», или «работа-семья», конфликты «работа-личная жизнь» (или «жизнь-работа») более целостно отражают частные, не связанные с работой аспекты повседневной жизни. Таким образом, конфликт между работой и личной жизнью относится к давлению в рабочей сфере, вмешивающемся в личную жизнь, в то время как конфликт между жизнью и работой связан с вмешательством личной жизни в роль человека на работе.

Информационно-коммуникационные технологии помогают преодолевать временные и пространственные границы, что особенно актуально для удаленной работы. Современные работники, включая наемных и самозанятых, все чаще используют формы телеработы. Для понимания влияния социальных сетей на взаимодействие работы и дома важно учитывать растущую роль удаленной работы.

Результаты исследований подчеркивают парадоксальную природу использования цифровых медиа и коммуникационных технологий

на стыке работы и дома. С одной стороны, социальные сети предоставляют больше возможностей для поддержания связи с коллегами, друзьями и семьей во время удаленной работы, которая обычно ассоциируется с изоляцией. Это может способствовать социальному и эмоциональному благополучию. С другой стороны, использование социальных сетей, не связанное с работой, может отвлекать от выполнения задач, вызывать задержки и снижать продуктивность. Некоторые пользователи описывают это как «вызывающее привыкание» поведение, связанное с плохой саморегуляцией. Хотя концепция зависимости от социальных сетей остается спорной, данные показывают, что работники сферы знаний и офисные сотрудники связывают использование ИКТ и социальных сетей с определенными стрессами и проблемами. Обзор подтверждает, что удаленная работа усиливает как положительные, так и отрицательные эффекты социальных сетей. Их использование для общения с коллегами, особенно в периоды быстрого перехода на удаленную работу по причинам социального дистанцирования (связанным с пандемией или по организационным причинам), в основном повышает благосостояние благодаря позитивным механизмам. Будущие исследования могут включать сравнительную перспективу, учитывающую культурные нормы, трудовую этику, социальные нормы, организационные правила и предписания, касающиеся рабочего времени и удаленной работы (с. 409).

В качестве выводов в рассмотренных исследованиях влияние социальных сетей на взаимодействие между работой и домом изучается с разных точек зрения и в различных вариантах использования. Обобщаются предварительные данные о том, что использование, несовместимое с работой, может быть связано с повышением благосостояния, например, за счет улучшения баланса между работой и личной жизнью, и одновременно со снижением благосостояния, например, за счет жестких дополнительных нагрузок. Аналогичная картина наблюдается в домашних условиях: положительные корреляции (например, улучшение отношений) возникают одновременно с отрицательными (например, конфликтами на работе и дома). Что касается удаленной работы, выявлен потенциал социальных сетей для усиления стресса и напряженной работы в ситуации, которая и без того требует много внимания. Социальные сети могут также смягчить такие распространенные недостатки удаленной работы, как изоляция или недостаточная коммуникация, обеспечивая важный рычаг для повышения

благополучия в будущем, которое все больше зависит от удаленной работы (с. 410).

В 23-й главе «Цифровой переход экономики и его последствия для рынка труда» (The digital transition of the economy and its consequences for the labour market) В. Айххорст и Дж. Скализе раскрывают концептуальный стык цифровой социологии и социологии труда. Рассмотрено изменение конфигурации рынка труда, вызванное цифровизацией экономики, что затрагивает наиболее масштабные социальные и экономические последствия технологических изменений в контексте цифрового общества. Цифровой переход экономики, ускоренный пандемией COVID-19, в своем глубоком влиянии на мир труда меняет рабочие места, структуру рынка труда и сдвиги в неравенствах, сталкивая социальную политику в современных государствах всеобщего благополучия с огромными проблемами. В. Айххорст и Дж. Скализе отмечают, что в отличие от предыдущих технологических изменений, сопровождавшихся созданием рабочих мест и ростом благополучия, цифровая революция усиливает давление на «белые воротнички» из-за развития интеллектуальных технологий автоматизации. Представленные ими эмпирические данные указывают на поляризацию рынка труда, которая основана на рутине и подразумевает непропорциональное размывание профессий и рабочих мест при распределении навыков. Недавние технологические изменения сопровождались расширением нестандартных и гибких рабочих схем. Хотя цифровая экономика вряд ли приведет к массовой безработице, она значительно трансформирует структуру рабочих мест.

В главе рассмотрены институциональные и политические меры реагирования на вызовы цифровизации на примере Италии и Германии – двух крупнейших производителей в Европе с разным уровнем цифровизации. Сравнительное исследование показывает, что национальные институты, такие как системы образования, профессиональной подготовки и регулирования рынка труда, играют ключевую роль в адаптации к технологическим изменениям. Обсуждены последствия пандемии, ускорившей структурные преобразования, и меры по стабилизации занятости. Автоматизация, искусственный интеллект и платформенная экономика существенно влияют на содержание рабочих мест, бизнес-модели и трудовые отношения. Цифровизация усиливает существующие тенденции, такие как поляризация рынка труда, рост неполной занятости и неустойчивые формы работы, создавая при этом новые возможности.

В отраслевом и профессиональном разрезе рутинные промышленные работы, связанные с физически тяжелым трудом, оказываются наиболее уязвимыми перед автоматизацией. Расширение онлайн-торговли и услуг способствует переходу от традиционной розничной торговли к логистике и электронной коммерции. С точки зрения трудовых отношений технологические изменения ведут к увеличению числа гибких форм занятости, таких как фриланс и работа на платформах. Этот рост независимой занятости за пределами традиционных институтов рынка труда ослабляет устоявшиеся формы производственных отношений и коллективные договоры. Современные технологические изменения отличаются большей масштабностью, скоростью и охватом, что значительно ускоряет социально-экономические преобразования и трансформирует рынки труда.

Цифровой прорыв обусловлен несколькими векторами изменений. К ним относятся цифровое оборудование с элементами искусственного интеллекта, оцифровка процессов, обеспечивающая эффективную обработку, хранение и передачу данных, а также цифровые сети, координирующие экономические транзакции с помощью алгоритмов и платформенных систем. Эти векторы пронизывают рынок труда, затрагивая как «синие воротнички» (рабочие на производстве), чья численность сокращается, так и «белые воротнички» (административные сотрудники), чьи функции также подвергаются автоматизации. Фактически искусственный интеллект наряду с большими данными, Интернетом вещей и эволюцией машин позволяет роботам выполнять не только ручные задачи, но и некоторые виды когнитивных задач, а также извлекать уроки из обмена информацией между машинами, становясь все более эффективным в решении этих задач.

Автоматизация угрожает рабочим местам, связанным с рутинными ручными или когнитивными задачами, что приводит к сдвигу структуры труда в сторону нестандартных задач, таких как аналитические, интерактивные или ручные, как на высоком, так и на низком уровнях квалификации (с. 421). Исследования показывают, что автоматизация влияет больше на содержание рабочих задач, чем на профессии, а реальный уровень перемещения рабочих мест ниже, чем предполагалось ранее. Переход на рабочие места в трудоемких отраслях, где задачи сложно автоматизировать, приводит к заметным, продолжающимся изменениям внутри и между секторами. Традиционные рабочие места средней

квалификации, связанные с рутинными задачами, испытывают наибольшее давление автоматизации. Это усиливает поляризацию рынка труда, особенно затрагивая профессии средней квалификации, которые играют ключевую роль в системах социальной защиты и механизмах регулирования рынка труда во многих странах. Рабочие места экспертного уровня, требующие высокого уровня профессиональных знаний, как правило, расширяются, сопровождаясь ростом заработной платы и большей автономией. Одновременно увеличивается занятость в секторе услуг с низкой квалификацией. Данные последних десятилетий демонстрируют сокращение числа рабочих мест со средней заработной платой и квалификацией в развитых странах как в целом, так и в отдельных секторах.

Цифровизация остается одним из ключевых факторов, формирующих современные рынки труда, вызывая структурные изменения, которые становятся все более необратимыми. Достижения в области машинного обучения, робототехники и искусственного интеллекта способствуют усилению автоматизации, трансформации спроса на рабочую силу и исчезновению рабочих мест. Эти изменения выходят за рамки физического или ручного труда и затрагивают когнитивные и аналитические задачи, характерные для «белых воротничков». Вместе с тем появляются новые рабочие места благодаря новым продуктам, процессам и бизнес-моделям. Спрос на профессии, связанные с компьютерами, наукой, техникой и инжинирингом, будет расти. В то же время увеличится спрос на человеческие навыки в профессиях, требующих взаимодействия с людьми, таких как здравоохранение, социальные службы и преподавание. Анализ цифровизации экономики не может игнорировать институциональные структуры, в частности регулирование рынка труда, системы образования и обучения, организованного труда, деловых интересов и коалиций, которые формируют различные национальные траектории к цифровой эпохе (с. 430). В заключении В. Айххорст и Дж. Скализе подчеркивают ключевую роль образовательных и учебных учреждений, политики и институциональных реформ для траекторий, по которым современные государства всеобщего благосостояния идут через цифровую революцию.

В 24-й главе «Дальнейшее обучение в контексте цифровой трансформации» (Further training in the context of the digital transformation) Т. Круппе и Дж. Ланг изучают дальнейшее обучение в контексте цифровой трансформации, по сути, продолжая исследование предыдущей главы относительно

цифровой трансформации на рынках труда, которая увеличивает потребность в новых навыках. Авторы анализируют основную линию, которой придерживаются современные государства всеобщего благосостояния через цифровую революцию, исследуя роль дополнительного образования. Цифровизация труда часто приводит к необходимости профессиональной переориентации. Если квалификация не соответствует новым требованиям, перспективы на рынке труда ухудшаются, а риски безработицы возрастают.

Особую проблему представляет тот факт, что низкоквалифицированные работники, которые в наибольшей степени страдают от безработицы, также являются теми, на чьи рабочие места в наибольшей степени влияют цифровизация и автоматизация. Рассматривая риски автоматизации с точки зрения рабочих задач, авторы делают вывод о том, что именно рутинные задачи обладают наибольшим потенциалом взаимозаменяемости. Хотя доля рутинных задач и уровни квалификации взаимосвязаны, ряд квалифицированных профессий включают множество рутинных задач. Анализ различий в участии в повышении квалификации работников, занятых на работах с высокой и низкой долей рутинных задач, показывает, что работники с высокой долей рутинной деятельности не только реже участвуют в мероприятиях по обучению, но и делают это менее интенсивно. В то же время различия в индивидуальных характеристиках, таких как уровни квалификации, играют незначительную роль в объяснении этих различий. Например, даже в группах с высоким уровнем квалификации работники, выполняющие большую долю рутинных задач, реже проходят непрерывное обучение (с. 437).

Цифровизация оказывает далеко идущее влияние на рынок труда. Требования к навыкам, которым должны соответствовать работники, меняются быстрее, чем когда-либо. Важным элементом адаптации навыков к новым условиям является непрерывное обучение. Повышение квалификации может улучшить и стабилизировать перспективы трудоустройства работающих и безработных, особенно тех, чьи профессии или рабочие места особенно затронуты цифровизацией. Несмотря на то что участие этой группы в повышении квалификации ниже среднего, например, в Германии наблюдается тенденция к росту участия в повышении квалификации для всех групп работников (с. 443). Как показывает приводимый подход к концепту дальнейшему обучению в контексте цифровой трансформации, затрагиваемые проблемы необходимо изучать на уровне как

отдельных стран, так и отдельных отраслей производства, потребления, распределения и обмена товарами, продуктами, услугами и рабочей силой. Цифровая трансформация меняет профили работы и требования к навыкам, и все еще неясно какие группы работников в отношении квалификации и уровня навыков особенно сильно будут затронуты этими изменениями.

В 25-й главе «Цифровая агитация: как цифровые медиа меняют работу партий и избирательных организаций и влияют на выборы» (Digital campaigning: how digital media change the work of parties and campaign organizations and impact elections) А. Юнгхерр добавляет «политологическую перспективу» последствий цифровизации, сосредоточившись на цифровой агитации. На наш взгляд, как и в случае с цифровой и вычислительной демографией, эта глава – опять «не туда», поскольку хэндбук озаглавлен как «Цифровая социология», а не, допустим, «Цифровая социальная наука». Тем не менее, следуя правилам обзора, мы должны показать, как в главе обсуждаются способы изменения цифровыми медиа работы политических партий, и особенности способов ведения ими политических кампаний.

В главе обсуждаются доминирующие теоретические и эмпирические подходы к изучению цифровой агитации. Цифровые социальные медиа Twitter, Instagram (деятельность запрещена на территории Российской Федерации) и YouTube, стали играть основополагающую роль в качестве инструментов мобилизации в современных стратегиях агитации. Яркими примерами могут служить президентские выборы в Соединенных Штатах Америки (далее – США) в 2014 г., 2016 г. и 2020 г., на которых Twitter и YouTube использовались в качестве основного инструмента в стратегиях цифровой агитации обеих партий – Демократической и Республиканской. А. Юнгхерр отмечает, что большая часть исследований цифровой агитации сосредоточена на политическом ландшафте США, особенно на Демократической партии. Это создало пробелы в изучении цифровой агитации за пределами Северной Америки, недостаток систематических теорий и преобладание этнографических подходов при ограниченном числе количественных исследований влияния медиа.

Детально рассмотрены доминирующие теоретические и эмпирические подходы к изучению цифровых кампаний, структуры, ориентированные на функции кампаний, влияние цифровых медиа на организационные структуры и рабочие процедуры, сбор и распределение ресурсов, обеспечение присутствия в коммуникационных пространствах, охват интересующей аудитории,

использование цифровых медиа как символа профессионализма и инновации партий и их кандидатов. Описаны сохраняющиеся проблемы, стоящие перед академическими исследованиями использования цифровых медиа политическими партиями и их влияния на кампании, представлены перспективы для будущих исследований.

Партии адаптировались к трансформации коммуникационной среды, став активными поставщиками информации. Они используют веб-сайты, социальные сети, таргетированную электронную почту и онлайн-рекламу. Многие создают специальные отделы новостей, которые генерируют мультимедийный контент, оптимизированный для цифровых платформ, а также номинально независимые, но явно связанные исследовательские медиаподразделения, которые производят контент, призванный повлиять на освещение событий традиционными новостными организациями.

Институт подотчетности правительства – один из примеров президентской кампании в США в 2016 г.: исследовательское подразделение, официально не связанное с Республиканской партией, но финансируемое важными республиканскими донорами и, следовательно, являющееся частью более широкой республиканской сети. Эта группа подготовила досье, в котором собрала неблагоприятную информацию и слухи о финансах кандидата от демократической партии Х. Клинтон и ее мужа, бывшего президента США Б. Клинтона. Получившееся в результате досье «Клинтон Кэш» стало бестселлером New York Times и повлияло на освещение средствами массовой информации предвыборной кампании кандидата. Партии и кампании обычно пытаются повлиять на освещение событий традиционными и альтернативными средствами массовой информации с помощью специально разработанного контента, мероприятий или информационно-пропагандистской работы. Политические партии и кампании активно взаимодействуют с блогерами, влиятельными лицами и пользователями социальных сетей, чтобы побудить их освещать определенные аспекты кампании в надежде привлечь внимание традиционные средства массовой информации. Используя цифровые инструменты, они косвенно влияют на коммуникационную среду, что облегчается готовностью традиционных медиа включать информацию из блогов, YouTube или Twitter в свои репортажи.

Партии и кампании также полагаются на цифровые платформы для распространения информации, включая таргетированную рекламу, ориентированную на конкретные сегменты

аудитории. Несмотря на то что в публичном дискурсе часто преувеличиваются точность и манипулятивный потенциал рекламы, основанной на данных, она остается эффективным инструментом политической коммуникации. Таргетинг позволяет охватывать группы, определенные по возрасту, местоположению или интересам, минимизируя затраты и повышая видимость партий в условиях фрагментированной информационной среды. Растущее значение этой формы информационного охвата в США побудило кампанию Трампа в 2016 г. тесно сотрудничать с компаниями-платформерами, полагаясь на их советы о том, как наилучшим образом достичь целей своей кампании. Это породило вопросы относительно роли и ответственности компаний-платформ в политике и растущей зависимости от них партий и организаций, проводящих кампании (с. 455).

Политические партии и организации, проводящие предвыборные кампании, используют цифровые медиа не только для взаимодействия с избирателями, но и как символы, обозначающие их профессионализм и инновационность. Публичное использование цифровых медиа играет ключевую роль в политической деятельности, влияя на формирование публичного имиджа. Это включает использование конкретных цифровых платформ и практик, направленных на включение в публичный дискурс о кампании. Политические организации применяют данные для управления кампаниями, используют киберриторику для обсуждения политических вопросов, выбирают диалоговые стили цифровой коммуникации, создают впечатление аутентичности и адаптируют коммуникационные стратегии, характерные для онлайн-культуры (с. 456).

Использование цифровых медиа кампаниями и партиями не всегда напрямую связано с такими ключевыми функциями, как организация, мобилизация и убеждение избирателей. Вместо этого публичное использование цифровых медиа выполняет перформативную функцию, направленную на то, чтобы символизировать профессионализм и инновационность партий, кампаний или кандидатов. Чтобы лучше понять концепцию цифровой агитации в политических партиях и агитационных организациях, А. Юнгер рассматривает структуру, которая выделяет четыре функции цифровых медиа в агитации с практической точки зрения:

- улучшают организационную структуру и рабочие процедуры партий или агитаторов;
- улучшают сбор и распределение ресурсов (идентификация сторонников на основе данных, генераций пожертвований);

- позволяют партиям и организациям достигать присутствия на более широкой общественной арене независимо от традиционных медийтекиперов (привратников), но цифровые медиа также более эффективно нацелены на определенные группы (с помощью целевой рекламы на цифровых платформах);

- символизируют профессионализм и инновационность партий и их кандидатов.

Глава иллюстрирует эти аспекты примерами политических агитаций, включая европейский контекст. В заключении обсуждены ключевые проблемы академического изучения использования цифровых медиа в политических кампаниях, предложены направления для дальнейших исследований.

Делая общий вывод по представленным главам обсуждаемого хэндбука, важно подчеркнуть, что по своей сути все эти статьи являются как бы продолжением предыдущих и «цифра» по-прежнему является центральной целью исследований в области описываемых сюжетов социальных наук.

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ / ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Главные достоинства последних 10 глав хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека 2023 г. заключаются в том, что они существенно расширяют эмпирическую программу социологических исследований в предлагаемых для изучения предметных областях посредством новых цифровых методов сбора и анализа данных, что должно помочь социологии выйти из своего эмпирического кризиса. Несмотря на обширное производство эмпирических данных, одна из главных проблем исследований цифровой социологии связана с отсутствием теоретического осмысления, например, связи отдельных измерений цифрового неравенства с более общими механизмами социальной стратификации. В последнее время в качестве рамок для изучения цифрового неравенства многие авторы начали использовать социологическую теорию стратификации М. Вебера, теорию структуризации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё, модель информации Г. Зиммеля [Ragnedda, 2017].

Среди недостатков стоит назвать пробелы в методологии. Наиболее содержательные работы последних лет были очень успешными в мобилизации подходов, основанных на наблюдении, таких как включенное наблюдение, организационная социология на основе интервью, мета-аккаунты, основанные на аккаунтах академических,

журналистских и аккаунтах участников. Немногие исследования пытаются количественно определить реальный охват и влияние цифровых медиа на разные группы населения, не хватает проектов, в которых использовались бы рандомизированные контролируемые испытания для проверки причинно-следственного влияния конкретных цифровых медиа. В отношении убеждения желательно знать об эффективности цифровых подходов – таргетинга с интенсивным использованием данных – по сравнению с другими подходами. Рандомизированные контролируемые исследования доказали свою высокую эффективность в проведении предвыборных исследований в США, но их сложно проводить в рамках реальных кампаний политических партий.

ВЫВОДЫ / DISCUSSION

Цифровая социология в последних 10 главах хэндбука с одноименным названием – это та же самая дисциплина, которая специализируется на цифровых мирах (англ. digital worlds), только несколько других предметных областей. Говоря в целом, в них первична цифра, содержания, смыслы и значения самой социологии как бы вторичны и остаются за кадром этих кинофреймов – хотя и не везде, но во многих главах. Остается ощущение того, что в противостоянии цифровому и в его осмыслении социология так и не становится заметным интеллектуальным импульсом в том, к чему она стремится.

Важно отметить, что структура глав достаточно стройна: после названия темы, которая амбициозна и афористична, приводится обзор актуальной литературы, дается теоретический и эмпирический авторский материал по поводу «стыков цифры и социологии», в каждой из глав описываются важные проблемы, стоящие перед академическими исследованиями использования цифровых способов их конструктивного решения, их влияния на социологию, а также перспективы будущих исследований. Главная ценность 10 глав хэндбука остается прежней, в заданном алгоритме – обсуждение предполагает позитивную роль цифровых технологий, которые говорят о том, что старые

методы интервьюирования, анкетирования, мозговых штурмов, фокус-групп как бы устарели, поскольку вышеизложенные дискуссии имеют прямое назначение для обсуждения важных эмпирических методов, имеющих прямое отношение к эффективному использованию цифровой методологии и цифровых данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Современная эмпирическая европейская социология, как показал изучаемый хэндбук в последних 10 главах, зиждется в основном на лонгитюдных страновых и межстрановых исследованиях, которые в настоящее время в Российской Федерации малодоступны. Жанр обзора предполагает авторские критические замечания.

Во-первых, прогнозы, получаемые на основе регрессионных моделей метода наименьших квадратов (англ. ordinary least squares, OLS), оцениваются отдельно по волнам (англ. waves), предметным областям и индикаторам социально-экономического статуса. Эти модели учитывают пол, миграционный фон, социально-экономический статус родителей (уровень образования) и другие ковариаты, при этом данные корректируются с использованием взвешивания для обеспечения большей репрезентативности. Для российских социологов доступ к таким подходам был бы ценнейшим инструментом, открывающим возможности для проведения масштабных сравнительных исследований. Когда-то подобные замеры регулярно проводились Институтом социологии Российской академии наук, но сегодня этот опыт остался в прошлом.

Во-вторых, социальная теория подтверждает императив мышления как изучения должного, а не сущего – обращения к порядку того, что действительно есть на самом деле. Цифра по-прежнему изучает сущее, а теория социологии – должное. Хэндбук по исследованиям цифровой социологии в последних 10 главах четко ориентирован и на сущее, и на должное, которые находятся в состоянии взаимных дополнения, приращения знаний и согласования теорий и эмпирики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреанова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека. Часть I. Цифровая социология/ Digital Sociology. 2024;4(7):63–80. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-63-80>

Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds.) Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. Springer; 2021. 1513 p.

- Bennett W.L., Livingston S. (eds.)* The Disinformation Age: Politics, Technology, and Disruptive Communication in the United States. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. 322 p.
- Busemeyer M.R., Kemmerling A., van Kersbergen K., Marx P. (eds.)* Digitalization and the Welfare State. Oxford: Oxford University Press; 2022. 420 p.
- Calderon Gomez D.* The Third Digital Divide and Bourdieu: Bidirectional Conversion of Economic, Cultural, and Social Capital to (and from) Digital Capital among Young People in Madrid. *New Media & Society*. 2020;9(23). <https://doi.org/10.1177/1461444820933252>
- Collins D., Geist M. (eds.)*. Research Handbook on Digital Trade. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2023. 508 p.
- Kumar V., Rezaei J., Akberdina V. et al. (eds.)* Digital Transformation in Industry: Trends, Management, Strategies. Springer; 2021. 304 p.
- Matzat U., van Ingen E.* Social Inequality and the Digital Transformation of Western Society: What Can Stratification Research and Digital Divide Studies Learn from Each Other? *Soziale Welt*. 2020;23:379–397. <https://doi.org/10.5771/9783845295008-379>
- Nesi J., Telzer E.H., Prinstein M.J. (eds.)*. Handbook of Adolescent Digital Media Use and Mental Health. New edition. Cambridge: Cambridge University Press; 2022. 416 p.
- Nurmikko-Fuller T.* Linked Data for Digital Humanities. London: Routledge; 2024. 156 p.
- Ragnedda M.* The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. London: Routledge; 2017. 136 p.
- Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.)*. Theorizing Digital Divides. London: Routledge; 2019. 218 p.
- Schneider B. (ed.)*. Handbook of the Sociology of Education in the 21st Century. New York: Springer; 2018. 634 p.
- Skopek J. (ed.)*. Research Handbook on Digital Sociology. Edward Elgar Publishing; 2023. 492 p.
- Sharpe R., Bennett S., Varga-Atkins T. (eds.)*. Handbook of Digital Higher Education. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2022. 416 p.
- Yates S., Rice R.E. (eds.)*. The Oxford Handbook of Digital Technology and Society. Oxford: Oxford University Press; 2020. 800 p.

REFERENCES

- Andrianova E.V., Davydenko V.A., Rozmanov A.I.* Contemporary digital sociology in search of meaning-making models: the proper and the actual. Review on articles from the research handbook of digital sociology edited by J. Skopek. Part I. *Digital Sociology*. 2024;4(7):63–80. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-63-80>
- Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds.)* Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. Springer; 2021. 1513 p.
- Bennett W.L., Livingston S. (eds.)* The Disinformation Age: Politics, Technology, and Disruptive Communication in the United States. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. 322 p.
- Busemeyer M.R., Kemmerling A., van Kersbergen K., Marx P. (eds.)* Digitalization and the Welfare State. Oxford: Oxford University Press; 2022. 420 p.
- Calderon Gomez D.* The Third Digital Divide and Bourdieu: Bidirectional Conversion of Economic, Cultural, and Social Capital to (and from) Digital Capital among Young People in Madrid. *New Media & Society*. 2020;9(23). <https://doi.org/10.1177/1461444820933252>
- Collins D., Geist M. (eds.)*. Research Handbook on Digital Trade. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2023. 508 p.
- Kumar V., Rezaei J., Akberdina V. et al. (eds.)* Digital Transformation in Industry: Trends, Management, Strategies. Springer; 2021. 304 p.
- Matzat U., van Ingen E.* Social Inequality and the Digital Transformation of Western Society: What Can Stratification Research and Digital Divide Studies Learn from Each Other? *Soziale Welt*. 2020;23:379–397. <https://doi.org/10.5771/9783845295008-379>
- Nesi J., Telzer E.H., Prinstein M.J. (eds.)*. Handbook of Adolescent Digital Media Use and Mental Health. New edition. Cambridge: Cambridge University Press; 2022. 416 p.
- Nurmikko-Fuller T.* Linked Data for Digital Humanities. London: Routledge; 2024. 156 p.
- Ragnedda M.* The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. London: Routledge; 2017. 136 p.
- Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.)*. Theorizing Digital Divides. London: Routledge; 2019. 218 p.
- Schneider B. (ed.)*. Handbook of the Sociology of Education in the 21st Century. New York: Springer; 2018. 634 p.
- Skopek J. (ed.)*. Research Handbook on Digital Sociology. Edward Elgar Publishing; 2023. 492 p.
- Sharpe R., Bennett S., Varga-Atkins T. (eds.)*. Handbook of Digital Higher Education. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2022. 416 p.
- Yates S., Rice R.E. (eds.)*. The Oxford Handbook of Digital Technology and Society. Oxford: Oxford University Press; 2020. 800 p.